

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Слово о новаторе

Наша современница, ныне здравствующий советский композитор из самых талантливых. Но парадокс: любителям музыки и многим профессионалам известна мало. Не имеет прессы. Удостоена двух наград в годы, «окружающие» так называемый период застоя: в 1963-м — первая премия на Всесоюзном конкурсе инструментальных пьес и в 1987-м — премия князя Монакского Ренье III. А не за горами 60-летие. Эта статья — первая в газете.

В начале творческого пути, пору поисков своего «я» в искусстве, когда и собственные сочинения еще не превратились в прекрасных белых лебедей, и окружала глухая черная стена непонимания и сопротивления, молодой композитор-новатор София Губайдулина непоколебимо верила: будет и на нашей улице праздник! И праздник действительно наступил, но сколько пришлось ждать — почти тридцать лет! Почти всю жизнь...

Тут необходимо объяснить. На протяжении десятков лет София Губайдулина, как и ее ближайшие сотоварищи Альфред Шнитке, Эдисон Денисов, была автором нежелательным, практически запрещенным. Только в 1976 году ей удалось добиться, чтобы ее произведения исполнялись в текущих концертах Всесоюзного Дома композиторов. Однако выход за его пределы был практически закрыт: в филармонических концертах ее произведения почти не звучали, до 84-го года не разрешались командировки за рубеж. Тотальным был запрет на печатное слово о Губайдулиной — запрет негласный, анонимный, но действенный. Даже 50-летие мастера в 1981 году в нашей стране никак не отмечалось. Концерты, посвященные юбилею советской «композитин», с буклетами и портретами были организованы... в Дюссельдорфе! Причем самой виновнице торжества выезд туда не разрешили, и в секретариате Союза композиторов ее поучали, как школьницу. Даже о традиционной юбилейной заметке с фотографией в журнале «Советская музыка» не могло быть и речи. Но, может быть, творчество крупного советского композитора пропагандируют сами за себя говорящие нотные издания? Их выпущено крайне мало. Грампластинки? Еще меньше.

Годы застоя... Довольно деликатное, на мой взгляд, определение. Что касается хорошо известного мне композиторско-музыковедческого мира, это было долготелее массированное наступление на все наиболее талантливое, дееспособное, честное. И каждый, кто прорвался сквозь это огнище, оставшись самим собой, не побоюсь этого слова, — герой.

София Губайдулина, воспользовавшись своим правом быть свободным художником, «отгородилась» от внешнего мира (разумеется, не в плане духовном) и целиком отдалась творчеству. Но, отказавшись от изнуряющей ежедневной борьбы в учреждении, она стоически обрела себя переносить все, что ниспослет судьба. Но, к счастью, наступили иные времена. Начавшаяся в нашей стране перестройка изменила и жизнь, и судьбу. «Запад открывает гений Софии Губайдулиной» — гласил огромный, идущий через всю страницу заголовок статьи в американской газете «Бостон Санди глоб», посвященной фестивалю советской музыки, состоявшемуся в Бостоне весной этого года. Громкие эпитеты нашей соотечественницей вполне заслуженны. Но почему советского автора открывает Америка?

Впрочем, в узкой исполнительской среде ее знали давно. София Губайдулина имела и имеет счастье слышать свои сочинения в исполнении великолепных музыкантов: дирижера Геннадия Рождественского, вобравшего в себя как будто всю существующую музыку, головокружительного «фагота номер один» Валерия Попова, Ивана Монигетти с его всепокоряющей виолончелью, «богини виолончели» Натальи Шаховской, уникального баяниста Фридриха Липса, тончайшего исполнителя на клавишных Алексея Любимова, «короля ударников» Марка Пекарского. Совершенно особый интерпретатор произведений Губайдулиной — Владимир Тонха, чья одухотворенная виолончель неразрывно слилась с ее музыкой. Ум, талант и вдохновение отдали ее сочинениям Петр Мещанинов, Александр Бахчиев, Юрий Николаевский и многие другие наши музыканты. Неуклонно, а в последнее время даже стремительно растет признание за рубежом: кульминацией фестиваля «Варшавская осень-1987» стало исполнение Гидоном Кремером Скрипичного концерта Губайдулиной, прошедшее с огромным успехом. Ее произведения не раз звучали на фестивалях в Англии, ее опусы запрашивали продюсеры из Австрии, Финляндии.

Любопытно, с чего начиналось творчество Губайдулиной. Его истоки — в детстве композитора. Девочку, впервые столкнувшуюся с тривиальным репертуаром музыкальной школы, сильно удручала унылая бедность предложенной ей «духовной пищи». Захотелось в противовес попробовать сочинить что-нибудь свое, необыкновенное — поистине художник творит из чувства протеста! В этих пробах, отразивших решительное, хотя пока еще интуитивное неприятие скудости и банальности, уже четко обрисовались и величина, и «цвет» таланта Губайдулиной.

Одухотворение, одушевление, как мне кажется, ключевые слова для понимания творческой индивидуальности Губайдулиной. Эти слова нередко присутствуют в поэтических текстах, избранных ею для своих композиций. Да и сама София Азгатовна нередко обращается к ним, определяя суть своего искусства (только в личных беседах, публичных же комментариях своего творчества она избегает). Так, в философско-поэтическом диалоге Мужчины и Женщины из ее сочинения под названием «Perception» («Восприятие») Мужчина о Женщине и красоте говорит: «оформление кристалла»; Женщина — носитель красоты отвечает: «одушевление кристалла». «Искусство одушевляет природу» (из личной беседы).

Говорят, у великих людей великие учителя. Губайдулина получила прекрасное музыкальное образование. Окончила Казанскую консерваторию по классу фортепиано у профессора Г. Когана, крупного советского педагога-пианиста и историка исполнительства, факультативно занималась композицией у профессора А. Лемана, известного композитора и педагога. Окончила Московскую консерваторию и аспирантуру — здесь ее учителями были профессор В. Шебалин, признанный классик советской музыки, и видный советский композитор, профессор Н. Пейко. Но вот что удивительно: Губайдулина как была рьяной, добросовестной ученицей, так остается ею и до сих пор. Когда профессор Ю. Холопов подарил ей свои «Задания по гармонии» (написанные по сложнейшим современным правилам), Губайдулина, первоклассный мастер, принялась прилежно выполнять упражнения. «Композитор не совсем правильно воспитывают, — рассуждала она. — У пианистов есть традиция: сыграл «Крейслериану» Шумана, садись за этюды Черни, выигрывай технику. Среди композиторов же учиться не очень принято».

Что же создано композитором Софией Губайдулиной? Поскольку ни в одном отечественном издании нельзя найти перечня сочинений даже ведущих современных советских авторов музыки, в том числе, естественно, и нашей ге-

роини, воспользуемся в этих целях данной газетной статьей. Список ее опусов открывает поэтичная «Фацелия», цикл для голоса с оркестром по поэме М. Пришвина. Далее следует несколько инструментальных произведений, в том числе «Пять этюдов для арфы, контрабаса и ударных» (1965), в которых она предстает уже зрелым мастером со своим сложившимся стилем. Затем — две кантаты, тематически обращенные к Востоку, — «Ночь в Мемфисе» на тексты из древнеегипетской лирики в переводе Анны Ахматовой и Веры Потаповой и «Рубайят» на стихи Хакани, Хафиза, Хайяма. Обе кантаты вдохновлены древними поэтическими строками на вечные человеческие темы любви, скорби, одиночества, утешения. Первая прозвучала только в Чехословакии, а в СССР еще не исполнялась ни разу. Вторая была исполнена в Союзе композиторов Сергеем Яковенко и Геннадием Рождественским и имела ошеломляющий успех.

После того как в Москве была открыта студия электронной музыки, Губайдулина потратила два года упорного труда на овладение новым видом музыкальной техники. Однако ограничившись одним лишь опусом этого рода — «Живое — неживое», она в дальнейшем предпочла безграничный интонационный мир «живых» музыкальных инструментов.

Огромное место в жизни и творчестве Софии Губайдулиной занимает работа в кино. Она приняла участие в создании свыше 20 кинокартин, игровых, мультипликационных, документальных, в числе которых «Маугли» и «Балаган», «Вертикаль» и «Кафедра», «Смерч» и «Чучело». Условия кинопроизводства таковы, что мало кому из композиторов удалось в силу тех или иных обстоятельств избежать шаблонов. Губайдулина «не грешила» этим никогда, чего бы ни стоило. Если времени нужно несколько месяцев, а в распоряжении всего лишь два дня, то делала напряженнейшее усилие в течение 48 часов — и партитура была готова. А ведь музыка, скажем, в мультфильме, нередко составляет стержень произведения. Так, режиссер И. Гаранина, создавая «Балаган» по пьесе для кукольного театра Гарсиа Лорки, сначала изучала и озвучивала губайдулинскую партитуру, и только затем в ее ритме снимала кадры. В знаменитом кинофильме «Чучело» Р. Быкова все драматические кульминации предельно заострены взрывами музыки, потрясающей по экспрессии и глубине. Жаль только, что при присуждении фильму Государственной премии СССР Губайдулина не вошла в число награжденных.

А за пределами кино — целый «сад разбегающихся тропок» ее творчества. Идея «инструментального театра» воплощена в Струнном квартете № 1: музыканты, играя, перемещаются по эстраде, создавая массу живых «мизансцен». В ряде сочинений автор заставляет заново «звучать» принципы драмы, с антитезой действия и контрдействия. В произведении под названием «Concordanza» идет непримиримый философский спор: concordanza («согласие») или discordanza («разногласие»)? Варианты того же диалога представлены в органной пьесе «Светлое и темное» в «In crosse» («Крест-накрест») для виолончели и электрооргана.

Творчеству Софии Губайдулиной свойственно ярко выраженное лирическое начало. Поразительный «шаг души» (М. Цветаева) музыканта — создание пьесы для ансамбля одних лишь ударных инструментов «Вначале был ритм», где так использован механизм перестройки звука семи литавр, что литавры, этот классический ударный бас, образуют некий слышимый дотоло «поющий хор».

Венец одушевления музыкального материала составила вокальная лирика Губайдулиной, отличающаяся органичным слиянием музыки и речи (стихи Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Франциско Танкрева, Яна Амоса Коменского и других поэтов).

Еще одна особенность индивидуальности композитора — своеобразие творчества с музыкантами-исполнителями. Почти все опусы Губайдулиной написаны в расчете на конкретного артиста, а его «портрет» обязательно присутствует в композиции. Задумывая произведение, она ходит на концерты своего героя, присматривается к его приемам игры, манере держаться, движениям, жестам. И когда на премьеры сам прототип представляет слушателям губайдулинскую музыку, возникает ощущение чуда единения трех ипостасей — композитора, исполнителя и инструмента («души»).

Уникальная область сотворчества Губайдулиной — импровизирование. Здесь находит выход и естественная потребность раскрепостить в самой себе интуитивное начало, и непреодолимая тяга к творчеству в наиболее чистом виде, с максимальным выбором возможностей. Импровизация — высшее одухотворение музыки, поскольку исключает стадию ее существования в «мертвом» нотном тексте. София Губайдулина с друзьями-композиторами предпринимала многочасовые импровизации без пубрики, для самих себя.

София Губайдулина всю жизнь пребывает в сфере музыки классической европейской традиции. Однако в композиционной структуре большинства ее произведений прослеживается «аклассическое» развитие музыкальной мысли — безостановочное движение вперед и вперед, в то время как традиционные законы музыкальной симметрии предписывают возвращение к начальной мысли, ее утверждение.

Так и искусство Губайдулиной далеко от конечных «утверждений». Композитор находится в расцвете своего таланта, творческий процесс продолжается, и, без сомнения, впереди еще немало ярких, вальтовающих открытий.

Валентина ХОЛОПОВА,
профессор.

● С. Губайдулина.

Фото В. Баженова.